

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНОВСКАЯ

старший преподаватель кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

romanovskaia.irina@gmail.com

**«ЕВНУХ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА...» В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»:
ДИАЛОГ РОССИЙСКОГО И ШВЕДСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Впервые в научный оборот вводится шведский перевод романа А. Платонова под названием «Дон Кихот в революции» (1973 год, переводчик С. Вальмарк), а также научные статьи шведских исследователей, посвященные роману. Нами предпринята попытка рецептивного анализа одного из центральных фрагментов романа о «евнухе души человека» в его современном шведском и российском прочтении. Представлены различные подходы – философский, философско-антропологический, психологический, сомнический. Шведские исследования (П.-А. Бодин, Л. Шёквист, Т. Лане) затрагивают актуальные для современного платоноведения проблемы языка, жанровой модели, мотива двойничества, образа Другого и открывают новые области в изучении романа. Шведский перевод «Дон Кихот в революции», как и оригинальный текст «Чевенгура», формирует концепцию литературного метажанра – метаутопии, совмещающей черты утопии и антиутопии. Однако если в «Чевенгуре» доминирует антиутопическая фантазия несбывшихся надежд, то в «Дон Кихоте» сильнее выражена утопическая линия, маркированная уже в названии, отсылающем к роману Сервантеса. Отсутствие единства в определении роли «евнуха души человека» в художественном пространстве романа и подходов к его изучению обусловлено как минимум тройным его статусом в художественном тексте (метафора, образ, мотив). Особое внимание уделено «топосам» шведских исследований, а также лингвокультурному обоснованию сближения образа «евнуха души» с «ангелом» в шведской рецепции.

Ключевые слова: «Чевенгур» А. Платонова, «евнух души», метафора, образ, мотив, психоанализ, нарратив, шведская рецепция, С. Вальмарк, П.-А. Бодин, Л. Шёквист, Т. Лане

Неоспоримым фактом является то, что роман «Чевенгур», написанный А. Платоновым в 1926–1928 годах (по другим сведениям, в 1927–1928 годах) принадлежит великой русской литературе. Многослойный во всех смыслах роман, который, по мнению Л. Шубина, «рос как дерево», буквально «вырастал» из рассказов и повестей [16: 208]. Это центральное произведение писателя, посвященное революционным преобразованиям в России. Одновременно его содержание – вне времени и пространства или вбирает в себя самые разные времена и пространства. Роман был написан в переломный момент в судьбе страны и писателя, а потому в произведении можно увидеть, как тесно переплетаются надежды и разочарования, связанные со строительством коммунизма. Роман содержит социально-философскую, онтологическую, экзистенциальную проблематику. Ищущий ответы на вопросы Платонов охватывает в произведении множество тем – от революционных преобразований общества и переустройства мира до утраты духовных креп и сиротства.

Первый шведский перевод¹ «Чевенгура» под названием «Дон Кихот в революции» был принят в 1973 году переводчиком, сотрудником шведской газеты «Дагенс Нюхетер», литературным критиком С. Вальмарком. Вальмарк сделал

много для знакомства шведов с новой русской литературой. Его называли «шведским ухом на восток» [20: 12], подчеркивая его крепкую связь с Советским Союзом. В его переводах вышли произведения М. Шагинян, Л. Сейфуллиной, К. Симонова, А. Ахматовой, А. Солженицына, В. Аксенова и многих других писателей. Заслужив переводчика стало введение романа Платонова в шведский литературный контекст. Благодаря ему книга, еще неизвестная советскому читателю, вошла в круг наиболее значимых художественных источников о жизни и истории Советской России в Швеции.

Роман «Дон Кихот в революции» был представлен читателю в сокращенном виде: в нем отсутствовала, как и в парижском издании (1972 год), первая часть о дореволюционной жизни («Происхождение мастера»). В шведском переводе были сокращены, опущены и другие эпизоды («У Шумилина», «Семья Поганкиных», «Знакомство с богом», «Коммуна “Дружба бедняка”», «Ревзаповедник Пашинцева», «Копенкин и бандиты в Черной Калитве»). Название романа «Дон Кихот в революции» актуализирует не пространственно-временные или национальные координаты попытки строительства коммунистической утопии, а образ защитника революционных идеалов. Шведское название акцентирует

связь платоновского романа о русской революции с романом испанского писателя М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605–1615 годы). В шведской редакции романа произошло смещение сюжетных функций героев. В переводе гротескный, лиро-сатирический образ верного идеалам революции Пашинцева (своеобразная пародия на Дон Кихота) дан в сокращении – роль рыцаря революции взял на себя Копенкин. «Дон Кихот» Копенкин предстал в шведской версии главным героем романа, а «Гамлет» Дванов занял место его спутника. Впрочем, в платоновском романе герои меняют свои функции. Шведский профессор П.-А. Бодин увидел в двойственности центральный художественный прием Платонова [1]. Бодин рассматривает амбивалентность как ключ к пониманию поэтики художественных текстов, мировоззрения, личности и творческой судьбы писателя. Он пишет о конфликте «внутреннего» и «внешнего», спровоцировавшего возникновение уникальной художественной философии Платонова, а также ощущение поливариативности в рецепции его произведений. «Дон Кихот в революции» метафорически прочитывается и как призыв к защите идеалов революции, и как роман-путешествие, и как эпос о советской жизни и истории.

«Дон Кихот в революции» может быть осмыслен в рамках исторической поэтики – он обладает памятью жанра. Подобно испанскому предшественнику роман тяготеет к жанру утопии. В шведском переводе в большей степени развит сюжетообразующий рыцарский миф: верный идеалу революции Копенкин служит персонализированной идее в виде Прекрасной дамы Розы Люксембург. «Дон Кихот в революции», как и оригинальный текст «Чевенгура», формирует концепцию литературного метажанра – метаутопии, совмещающей черты утопии и антиутопии. Двойственность создает уникальную возможность полифонического прочтения романа. Если в «Чевенгуре» дана антиутопическая социальная фантазия на тему нежеланного будущего, то в «Дон Кихоте» сильнее выражена утопическая линия.

В «Чевенгуре» на всех уровнях проявляет себя поэтика загадки [2: 183]. В качестве основных принципов миромоделирования и создания образа у Платонова называют принципы зеркальности [18], деперсонализации и депсихологизации [10: 23]. Одной из загадок романа является фрагмент, где говорится о существовании «альтер эго» Саши Дванова: некоем «маленьком зрителе», «свидетеле» жизни человека, никого не беспокоящем «швейцаре». Кульминационным определением *Другого* в человеке стал «евнух души человека»². В романе есть еще несколько эпизодов, усиливающих присутствие и зримость образа «евнуха души человека». В сцене ночлега героя у Феклы Степановны «Дванов почувствовал тягость своего будущего сна», и вновь по-

является «уединенный грустный наблюдатель»³. При переезде «рыцарей революции» из ревзоповедника Пашинцева в Черную Калитву Дванов чувствует, что его «сознание уменьшается», и снова возникает образ сторожа, «который не принимает участия в человеке, а лишь подремывает в нем за дешевое жалованье»⁴.

В современном платоноведении отсутствует единство в понимании семантики и роли «евнуха души человека» в художественном замысле автора. Образ соотносят с ангелом народных поверий [4: 56–58], наблюдателем из древнеиндийской философии Атманом [3: 42–43]. Его определяют через православную традицию [6: 57] и как знак слома христианской традиции в революционной стихии жизни [14: 55–56], находят смысловые переклички с образами из произведений М. Лермонтова и Ф. Достоевского [17: 59], Б. Пастернака [7]. Этот образ-понятие – квинтэссенция языка Платонова [8], задает угол восприятия художественного текста [18]. По мнению ряда исследователей, в «евнухе души человека» зашифровал и одновременно обозначил себя сам автор – Платонов. Это утверждение, с нашей точки зрения, спорное, так как в одном из писем к жене М. Кашинцевой Платонов замечал, что «истинного себя он еще никогда не показывал и едва ли покажет»⁵.

В словосочетании «евнух души человека» наибольший интерес представляет лексема «евнух». Словом «евнух» назывался «кастрат, в частности оскопленный слуга, предназначенный к служению в гаремах»⁶. В. И. Даль дает схожее определение: «скопец, каженик, кастрат; страж при гареме мусульман». В русской традиции словопотребления в лексеме «евнух» объединялись такие значения, как «изуродованный, испорченный человек» и «хранитель, защитник, страж»⁷.

Шведский Академический словарь трактует слово «евнух» («eunuck») как «особый вид бесславных / позорных слуг в классической древности на Востоке: камердинер, надзиратель / смотритель, охранник женщин в гареме. Более общее значение – “скопец, кастрат”. Существует и переносное значение – “духовно стерильный человек”» [19] – истинный, правильный, совершенный, чистый, подобный Богу. В шведской культурной традиции смысловое содержание слова «евнух» оформлено антитезой: позор / чистота, бесславное / истинное существование.

В платоновском образе-понятии «евнух души человека» проявляет себя вариативность, множественность смыслов, чему способствует контекст и развернутый синонимический ряд: «маленький зритель», «свидетель», «швейцар», «ангел-хранитель», «уединенный грустный наблюдатель». «Евнух души» предстает защитником, стражем, ангелом-хранителем и в то же время зрителем, чужим, посторонним, близкое и в то же время далекое существо (человек), фаталист и идеалист в одном лице.

Обратимся к переводу.

«Чевенгур»	«Дон Кихот в революции»	Дословный перевод со шведского языка
Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда <i>хладнокровен и одинаков</i> .	Men inom människan lever också en liten åskådare, som varken deltar i handlingar eller prövningar utan alltid <i>står utanför, kylig och isolerad</i> .	Но в человеке живет также маленький зритель / свидетель / очевидец, который не участвует ни в поступках, ни в испытаниях, но всегда <i>посторонний / стоит в стороне, холодный и обособленный / изолированный</i> .

Во фразе «он всегда хладнокровен и одинаков» автор использует лексему «одинаковый», которая синонимична значению слов «постоянный» и «равный». «Одинаковый» означает «равно заинтересованный или равно безучастный»; важным критерием является степень, качество соблюдаемого человеком равновесия. В шведском переводе использовано причастие «isolerad» (досл.: изолированный, обособленный). Этот эквивалент может быть интерпретирован как «уединенный, одинокий, отделенный от ч-л. / к.-л.». В восприятии шведского читателя образ маленького зрителя, швейцара в описании состояния Дванова не «равно безучастный или равно заинтересованный», а «одинокий, посторонний». Ощущение обособленности усилено дополнительной фразой, отсутствующей в оригинале: «...alltid står utanför, kylig och isolerad» (досл.: всегда стоит в стороне, холодный и обособленный). В переводе альтер эго Дванова не только присутствует характеристика «одинокого», «чужака», «постороннего человека», которая подкрепляется дальнейшим повествованием, где вводится вопрос «зачем он одиноко существует» (в пер.: «varför han existerar i sin isolering», досл.: зачем он существует в своем одиночестве / в своей обособленности). Создается образ отчуждения – чужого – по отношению к жизни и себе самому.

«Евнух души...» – это метафора, которая, по мнению В. Подороги, амбивалентна и может означать, с одной стороны, внутреннего наблюдателя в душе, а с другой стороны – внешнего надсмотрщика за душой человека [10]. Метафора обладает высокой степенью образности, благодаря чему визуализируется в образе двойника Дванова. Эта характеристика главного героя, по мнению И. Спиридоновой, не носит универсальный характер, а представляет главного героя только в момент внутреннего надлома [14: 56], когда Дванов «в своих сиротских скитаниях в революционном мире окончательно утрачивает связь с народной христианской традицией» [14: 55]. О том, что эта характеристика не является универсальной для героя, свидетельствуют эпизоды, в которых образ Дванова определен через другие качества – совесть, сочувствие, теплоту.

Образ-метафора «евнух души человека», имеющий синонимический ряд характеристик героя в пределах одного повествовательного фрагмента (сторож, зритель), а также сцен, событий и состояний этого и других героев (болезнь, сон), реали-

зует себя также как мотив (мотив двойничества). «Евнух души человека» как смысловое пятно, по Б. М. Гаспарову, укладывается в формулу «двойничество Дванова». Эта формула важна для понимания сюжета произведения – контаминация мотивов развивает и определяет художественную реальность, через мотив одновременно происходит оценка событий и героев. В отличие от А. Н. Веселовского, который определяет мотив как единицу сюжета, в современном литературоведении мотив все чаще рассматривают как единицу нарратива. Обращаясь к исследованиям И. В. Силантьева, подчеркнем его мысль о корреляции мотива и героя, в силу чего «евнух души человека» в «Чевенгуре» «оказывается в центре событий и формирует окончательный смысл произведения в целом» [13: 82]. Двойственность как принцип построения образа и мотива, а также героя и системы персонажей позволили шведскому слависту П.-А. Бодину рассматривать амбивалентность как ключ к пониманию поэтики писателя; конфликт внутреннего и внешнего, считает исследователь, порождает уникальную художественную философию Платонова [1].

В Швеции обстоятельный анализ фрагмента «евнуха души человека» проведен докторантом кафедр славянских языков гуманитарного факультета Стокгольмского университета Л. Шёквист. Ей принадлежат такие исследования, как: «Художественная картина мира А. Платонова: время и пространство в романе “Чевенгур”», «Принцип формирования системы персонажей у Андрея Платонова (на примере романа “Чевенгур”», «Эстетика Платонова: проблема читателя», «К вопросу об антропоморфности нарратора в романе А. Платонова “Чевенгур”» [15]. Изначально определяя «евнуха...» как метафорический образ, она подчеркивает, что за ним (в нем) скрывается повествовая инстанция, определяющая ракурс восприятия текста, то есть приходит к пониманию «евнуха...» как мотива. Раскроем основные положения научного исследования Шёквист.

В работе «К антропоморфности нарратора...» развита мысль о присутствии в романе Другого, от лица которого ведется повествование. Шёквист опирается на исследования В. Подороги, однако сосредотачивает внимание на проблеме точки зрения в повествовательной структуре произведения, а не на философском дискурсе проблемы. В российском литературоведении

образ Другого рассматривала Н. Полтавцева на материале драматургических произведений [11], [12]. Диалогичность как особенность драматургии определяет наличие в произведениях для театра Героя и Другого. Это положение может быть применено и к прозе Платонова, так, в «Чевенгуре» наблюдается внутреннее «расщепление» «Я» Дванова на две роли – «Я» и «Он». Рассматривая «евнуха души...» в контексте образа Другого, Подорога и Полтавцева развивают философско-антропологическую концепцию. Шёквист анализирует формы проявления и функции Другого в повествовательной стратегии автора. Нарратор в «Чевенгуре» существует и в самом повествуемом мире, и в акте повествования, и поэтому представлен по-разному. В повествуемом мире нарратором является «евнух души», а в акте повествования Другой «обнаруживает себя в “странностях” платоновского стиля».

Шёквист применяет теорию психоанализа Фрейда. Рассматривая «евнуха души человека» в свете сомнологии, она выходит на категорию бессознательного (аналогичный подход находим у Н. Пенкиной [9]): «...повествующую инстанцию можно обнаружить, когда герой спит, а вернее, когда его сознание находится в состоянии забытия (то есть в бессознательном состоянии. – И. Р.)» [15]. Роман «Чевенгур» рассказан Двановым в состоянии сна, где «евнух души человека» – это метафора предсознательного. В состоянии сна мысли прорываются в сознательное, «преображаясь» в словах романа. Шёквист считает, что нарратор (он же евнух) «богоподобен», он присутствует везде и во всем [15].

В отличие от отечественных работ, в которых «евнух» рассматривается с позиции непосредственно смыслового наполнения (кто есть «евнух» в романе, кого / что имел в виду Платонов), в работе шведской исследовательницы акцент сделан на нарративных стратегиях (зачем, почему этот образ возникает и какую функцию несет в тексте) в духе современных европейских исследований (ср.: А. Кеба «“Точки зрения” в контексте повествовательных стратегий» [5]). По нашему мнению, к анализу фрагмента можно применить не только теорию Фрейда, но и другие психоаналитические концепции XX века, например теорию архетипов К. Юнга. В таком случае у Платонова можно увидеть архетип Самости, держащий в единстве бессознательное и сознательное начало человеческой личности. Он персонифицирован в образе «евнуха души» Дванова. Архетип Самости стремится к гармонии сознательного и бессознательного, и до тех пор пока гармония отсутствует – душа человека неспокойна.

Другая шведская исследовательница, славист Т. Лане анализирует фрагмент иначе. Отправной точкой литературоведческого исследования является изучение сознания. Сновидения героев, считает Лане, становятся для автора способом

создания утопии и раскрытия утопического сознания. Дванов находится в полусознательном состоянии. За ним наблюдает «евнух души человека», или «ангел-хранитель» – образ, который и есть сознание. Лане обращает внимание на то, что Платонов создает образ внутреннего мира человека как сооружения – «дома» с жителями. «Люди входят и выходят, и только бодрствующий швейцар отвечает за постоянство и порядок. Он всегда присутствует в человеке, несмотря на то, что его там нет, он ничего не говорит об observable жизни, и даже не живет в человеке – у него “квартира в другом доме”» [22]. Лане рассматривает проблему отчуждения «внутреннего я», изоляцию сознания и считает, что наличие объективного сознания (подобно «мертвому брату» человека) связано с контролем над «интимной» составляющей (подобные идеи встречаются у Хайдеггера) [22].

Шёквист трактует «евнуха» как образ и мотив, Лане, в свою очередь, видит в нем образ-метафору. Обе развивают концепции на основе категории «сознания», но делают это по-разному: Шёквист – с позиции психоанализа и поиска нарратора, Лане – с точки зрения философии и утопического мышления. Фрагмент дает возможность взглянуть на роман как диалог сознаний, где наряду с субъективным суждением вводится, так сказать, разоблачающее мнение эксперта. Если, по Шёквист, «разоблачающее» начало принадлежит предсознанию, находится внутри человека, то у Лане «экспертная» точка зрения обнаруживает себя вовне.

Однако и Шёквист, и Лане приходят к общему выводу и рассматривают «евнуха души человека» как объективного рассказчика, отличающегося от реального героя Дванова и знающего финал. В обоих исследованиях «евнух души» трактуется как синоним (или вариант) *ангела*. Ангелы в христианском учении – это бесполое, бестелесные существа. Это представление находит отражение в семантике слова «евнух», главное значение которого «скопец», «каженик». В шведской культурной семантике в слове «ангел», как и «евнух», присутствует значение «стерильности». С одной стороны, евнух указывает на бесполое существо, с другой стороны, имеет свойство духовной чистоты – и первое, и второе корреспондирует с понятием ангел. Физическое «Я» ангела эфемерно, оно отчуждено от духовного «Я». Телесная «несостоятельность» ангела компенсирована внутренними ресурсами: ангел одарен разумом, который соединяет сознательное и бессознательное, он является духовной субстанцией. На примере образа Дванова видно, как материя и сознание сосуществуют, являются отражениями друг друга. Дванов и евнух – это «зеркальные перевертыши»: ангел как существо идеальное противопоставлено реальному Дванову. Там, где присутствует «недостача» у одного,

у другого наблюдается «излишек» (телесность, разум, чувственность и пр.).

Ангел – это и сторонний наблюдатель, и страж, но главное, что он определяет угол сознания, фиксирующий внутренние и внешние метаморфозы. Он наделен функцией посланника Бога. Его кредо звучит как «Я там, где я нужен». Об ангельской функции «евнуха души человека» пишет Т. Лане: «евнух» приходит к человеку в трудные минуты, когда в нем больше всего нуждаются [22]. Он находится и «с человеком», и «в человеке», и «вне человека». Повествование в романе ведется от третьего лица, в нем присутствует «всезнающий» нарратор, который более активно проявляет себя в эпизодах с главным героем. Этим «созерцающим умом», безличным существом является «евнух

души», он же представлен в повествовании с точки зрения народного христианства как «ангел-хранитель», который проникает в самые потаенные уголки сознания персонажа.

В современном отечественном и шведском литературоведении сложились несколько подходов к интерпретации «евнуха души человека»: философское, философско-антропологическое, психологическое, философско-психоаналитическое, сомническое и др. Разнообразие научных исследований лишь подтверждает, что образ-метафора-мотив «евнух души человека» в «Чевенгуре» требует дальнейшего изучения. Статьи шведских славистов Бодина, Шёквист, Лане и других намечают важные перспективы в вопросе рецепции творчества Платонова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Современное шведское издание «Чевенгура» вышло в свет в 2016 году (перевод К. Э. Линдстен).

² Платонов А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть [Сост. Н. В. Корниенко, Отв. ред. Н. М. Малыгина]. М.: Время, 2011. С. 104.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Платонов А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. М.: Астрель, 2013. С. 200.

⁶ Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская типолитография, 1893. Т. XI. С. 421–422.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь Живаго Великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880. Т. 1 (А–З). С. 528.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодин П. - А. Загробное царство и Вавилонская башня. О повести Платонова «Котлован» // Классицизм и модернизм. Тарту: Тартуский университет, 1994. С. 168–183.
- Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). СПб.: РХГИ, 2004. 440 с.
- Дмитровская М. А. Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова «Чевенгур» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 39–52.
- Дырдин А. Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. Ульяновск: УлГТУ, 2000. 172 с.
- Кеба А. В. «Точка зрения» в контексте повествовательных стратегий // Біблія і культура: Зб. наук. ст. Чернівці: Рута, 2009. Вип. 11. С. 214–218.
- Колесникова Е. И. Духовные контексты творчества Платонова // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 2004. С. 34–60.
- Ливингстон А. Гамлет, Дванов, Живаго // Творчество Андрея Платонова. СПб., 2004. Кн. 3. С. 227–241.
- Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во МГУ, 2002. 407 с.
- Пенкина Н. В. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. 104 с.
- Подорога В. Евнух души (Позиция чтения и мир Платонова) // Вопросы философии. М.: Наука, 1989. № 3. С. 21–26.
- Полтавцева Н. Другой с позиций философской антропологии: процесс индивидуации в драматургии Андрея Платонова // Поэтика и риторика диалога: Сб. науч. ст. (к 60-летию проф. Т. Е. Автухович). Гродно: ГрГУ, 2011. С. 71–84.
- Полтавцева Н. Образ Другого в драматургии Андрея Платонова: синтез имагологии и философской антропологии // Літературна компаративістика. Вип. IV: Імагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигми. Ч. II. К.: ВД «Стилос», 2011. С. 171–200.
- Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
- Спиридонова И. А. Творчество Андрея Платонова: Проблемы интерпретации художественного текста: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 155 с.
- Шёквист Л. К вопросу об антропоморфности нарратора в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 432–441.
- Шубин Л. В. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М., 1987. 368 с.
- Яблоков Е. А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб.: Petropolis, 2001. 375 с.
- Яблоков Е. А. Принцип художественного мышления А. Платонова ««И так, и обратно» в романе «Чевенгур»» // Филологические записки. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 14–27.
- Svenska Akademiens ordbok. Available at: <http://g3.spraakdata.gu.se/saob/> (accessed 12.09.2016).
- Forsgren J. Levnadsteckning över Sven Vallmark // Bärfvernytt. Medlemsblad för Härnösands Släktforskare. 1999. № 20. Available at: http://harnoforskare.eu/baefvernytt/bn_020.pdf (accessed 12.09.2016).
- Platonov A. Don Quijote i revolutionen. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. 317 p.
- Lane T. Andrey Platonov: The Forgotten Dream of the Revolution [manuskript].

Romanovskaya I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

“EUNUCH OF THE HUMAN SOUL...” IN A. PLATONOV’S NOVEL “TCHEVENGUR”: A DIALOGUE OF THE RUSSIAN AND SWEDISH LITERARY CRITICISM

The Swedish translation of A. Platonov’s novel “Don Quixote in the Revolution” (1973, translated by S. Valmark) is introduced into the scientific circulation for the first time. Scientific articles of Swedish researchers dealing with the study of the novel in focus are also presented. Using a method of receptive analysis we studied one of the central fragments of the novel pertaining the issue of “the eunuch of the human soul” in its modern Swedish and the Russian reading. Philosophical, philosophical-anthropological, and psychological approaches were employed in the course of our research. It was demonstrated that some Swedish researches (P.-A. Bodin, L. Sjökvist, T. Lane) use an integrated approach in the study of the novel. They research the phenomenon of Platonov’s language, the genre model, the motive of duplicity, the image of “Another” and discover new areas of the novel to be studied further. The Swedish translation of “Don Quixote in Revolution”, as well as the original text of “Tchevengur”, create a new concept of the literary genre by combining lines of utopia and dystopia. However, if in “Tchevengur” the anti-utopian social imagination of undesirable future dominates, in “Don Quixote in Revolution” the utopian line is expressed much stronger. The lack of unity in the definition of the role of “the eunuch of the human soul” in the art space of the novel and the choice of approaches employed in its study are conditioned by its threefold status of the art text (a metaphor, an image, a motive). The research pays special attention to the topoi used by the Swedish researches in focus and to the lingua cultural reasons conditioning the rapprochement of “the eunuch of the human soul” and “angel” images in Swedish perception.

Key words: “Tchevengur”, A. Platonov, “the eunuch of the human soul”, metaphor, image, motive, psychoanalysis, narrative, Swedish reception, S. Valmark, P.-A. Bodin, L. Sjökvist, T. Lane

REFERENCES

1. Bodin P.-A. Kingdom beyond the grave and Babel tower. About Platonov’s story “The Foundation Pit” [Zagrobnoe tsarstvo i Vavilonskaya bashnya. O povesti Platonova “Kotlovan”]. *Klassitsizm i modernizm*. Tartu, 1994. P. 168–183.
2. V’yugin V. Yu. *Andrey Platonov: poetika zagadki (Ocherk stanovleniya i evolyutsii stilya)* [Andrey Platonov: the poetic riddle (Sketch of formation and evolution of style)]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2004. 440 p.
3. Dmitrovskaya M. A. Problem of human consciousness in A. Platonov’s novel “Tchevengur” [Problema chelovecheskogo soznaniya v romane A. Platonova “Chevengur”]. *Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. P. 39–52.
4. Dyrdin A. *Potaennyi myslitel’. Tvorcheskoe soznanie Andrey Platonova v svete russkoy dukhovnosti i kul’tury* [Undercover thinker. Creative consciousness of Andrey Platonov in the light of the Russian spirituality and culture]. Ulyanovsk, UIGTU Publ., 2000. 172 p.
5. Кеба А. В. «Точка зрения» в контексте повествовательных стратегий // Біблія і культура: Зб. наук. ст. Чернівці: Рута, 2009. Вип. 11. С. 214–218.
6. Kolesnikova E. I. Spiritual contexts of Platonov’s creativity [Dukhovnye konteksty tvorchestva Platonova]. *Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. P. 34–60.
7. Livingston A. Hamlet, Dvanov, Zhivago [Gamlet, Dvanov, Zhivago]. *Tvorchestvo Andrey Platonova*. 2004. Book 3. P. 227–241.
8. Mikheev M. Yu. *V mir Platonova cherez ego yazyk. Predpolozheniya, fakty, istolkovaniya, dogadki* [To Platonov’s world through his language. Assumptions, facts, interpretations, guesses]. Moscow, MGU Publ., 2002. 407 p.
9. Penkina N. V. *Filosofskie idei prozy Andrey Platonova: problema cheloveka* [Philosophical ideas of Andrey Platonov’s prose: problem of the person]. Nizhnevartovsk, NGU Publ., 2012. 104 p.
10. Podoroga V. Eunuch of soul. Position of reading and Platonov’s world [Evnukh dushi (Pozitsiya chteniya i mir Platonova)]. *Voprosy filosofii*. 1989. № 3. P. 21–26.
11. Poltavtseva N. Another from positions of philosophical anthropology: process of an individuation in Andrey Platonov’s dramatic art [Drugoy s pozitsii filosofskoy antropologii: protsess individuatsii v dramaturgii Andrey Platonova]. *Poetika i ritorika dialoga*. Grodno, GrGU Publ., 2011. P. 71–84.
12. Poltavtseva N. Image of Another in Andrey Platonov’s dramatic art: the synthesis of imagology and philosophical anthropology [Obraz Drugogo v dramaturgii Andrey Platonova: sintez imagologii i filosofskoy antropologii]. *Літературна компаративістика*. Вип. IV: Імагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигми. Ч. II. К.: ВД “Стилос”, 2011. С. 171–200.
13. Silant’ev I. V. *Poetika motiva* [Motive poetics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2004. 296 p.
14. Spiridonova I. A. *Tvorchestvo Andrey Platonova: Problemy interpretatsii khudozhestvennogo teksta* [Andrey Platonov’s creativity: Problems of interpretation of the art text]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2012. 155 p.
15. Sekvist L. To a question of an anthropomorphical narrator in the novel “Tchevengur” [K voprosu ob antropomorfnoy narratora v romane “Chevengur”]. *“Strana filosofov” Andrey Platonova: problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005. Issue 6. P. 432–441.
16. Shubin L. V. *Poiski smysla ot del’nogo i obshchego sushchestvovaniya: Ob Andree Platonove. Raboty raznykh let* [Searches of sense of separate and general existence: About Andrey Platonov. Works of different years]. Moscow, 1987. 368 p.
17. Yablokov E. A. *Na beregu neba (Roman Andrey Platonova “Chevengur”)* [On the bank of the sky (Roman of Andrey Platonov “Tchevengur”)]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2001. 375 p.
18. Yablokov E. A. The principle of art thinking “Both so, and back” in the novel “Tchevengur” [Printsip khudozhestvennogo myshleniya A. Platonova “I tak, i obratno” v romane “Chevengur”]. *Filologicheskie zapiski*. Vol. 13. Voronezh, 1999. P. 14–27.
19. Svenska Akademiens ordbok. Available at: <http://g3.spraakdata.gu.se/saob/> (accessed 12.09.2016).
20. Forsgren J. Levnadsteckning över Sven Vallmark // Bäfvernytt. Medlemsblad för Härnösands Släktforskare. 1999. № 20. Available at: http://harnoforskare.eu/bafvernytt/bn_020.pdf (accessed 12.09.2016).
21. Platonov A. *Don Quijote i revolutionen*. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. 317 p.
22. Lane T. *Andrey Platonov: The Forgotten Dream of the Revolution* [manuskript].

Поступила в редакцию 14.11.2016